

МИХАИЛ АНОХИН

ЯПОНСКАЯ ЗАЖИГАЛКА

РАССКАЗ

Московское майское утро было тёплым и солнечным, и настроение Валентины Сергеевны, главного врача поликлиники детской клинической больницы, соответствовало хорошей погоде. Весеннее настроение немного омрачила припаркованная у поликлинического корпуса машина с дипломатическим номером. Значит, японский специалист приехал раньше неё, раньше всех. Её машину задержали пробки, а японец ночует при посольстве, недалеко от больницы.

Валентине Сергеевне было за пятьдесят, но умело наложенная косметика позволяла ей выглядеть моложе. Будучи давно разведённой, она вырастила дочь, теперь та вышла замуж, и Валентина Сергеевна готовилась стать бабушкой; однако главной в её жизни всегда была работа, хотя работа главврача заполнена сплошными неприятностями и лишена того профессионального удовлетворения, которое получает рядовой врач, лечащий больных.

Японский инженер уже четвёртый день, работая с восьми утра до двух дня, настраивал прибор размером с телевизор под названием «Универсальный анализатор». Во время работы японец много курил. Вообще-то курить в медицинских учреждениях запрещено, но иностранцу можно, тем более что сама главврач иногда предавалась этому пороку у себя в кабинете. Японец с сигаретой в зубах водил пальцем по схемам в толстой книге описания прибора, измерял тестером напряжение в разных узлах анализатора, что-то подвинчивал и опять измерял, затем курил и думал. При этом на столе лежали

АНОХИН Михаил Иванович родился в 1938 году в Москве. Окончил 1-й Московский медицинский институт. Доктор медицинских наук, профессор, главный специалист Департамента здравоохранения Москвы. Автор многочисленных статей, рассказов, пьес, а также исторического романа "Ассирийский гороскоп" и романа "Последние времена". Живет в Москве.

калькулятор и зажигалка. Удивительное дело: вид многих японских изделий специфически японский. Возьмёшь в руки чайную чашку, авторучку, нож или ту же зажигалку — и сразу видно: японское. Чего нельзя сказать о китайских, европейских, американских и, конечно, российских товарах, дизайн которых безродно-космополитический.

Главврач пошла в диагностическое отделение, чтобы узнать, когда, наконец, заработает анализатор. Его получили два месяца назад, вскрыли упаковку, проверили комплектность, после чего стали ждать японца.

В анализаторе больше всех была заинтересована аспирантка Людмила, стройная блондинка в красивых очках, закрывавших непонятного цвета глаза. Она ещё слегка портила косметикой свою молодую свежесть. Её-то и встретила главврач в диагностическом отделении и обратила внимание на её новый халат.

— Какая оригинальная выкройка, — заметила она.

— Да? Весной хочется чего-то нового, — смущённо ответила та.

Тут Валентину Сергеевну осенило: “Не перед японцем ли она выпендривается? Мужчин на весь корпус — раз-два и обчёлся. А этот ещё и какой-никакой, а иностранец”.

— Скоро твой прибор заработает? — спросила она.

— Не знаю. Что-то в нём не так. Вроде один блок надо будет заменить, если не удастся исправить. Придётся выписать из Японии.

— Вот как?.. А ты по-английски, что ли, с японцем разговариваешь?

— Конечно. По-русски он еле-еле.

“Любезничает с ним. Может, оттого он никак не запустит аппарат, время тянет?” — подумала Валентина Сергеевна.

— На меня насадет эта мамаша Ерёмина. Думает, что анализатор покажет, что у её сына тяжёлая астма, — сказала аспирантка.

— Кто же её в этом уверил?

— Откуда-то она сама это взяла... Родители же общаются.

— И все хотят отмазать сыновей от армии...

В терапевтическом корпусе в отделении бронхиальной астмы лечились почти исключительно мальчишки. Им, чтобы получить освобождение от призыва, нужен был серьёзный диагноз, подтверждённый на двух госпитализациях.

— Дождёмся мы министерской проверки, что у нас сплошь “среднетяжёлая астма”. Пора с этим кончать, — сказала главврач.

— В других больницах то же самое.

“Пройдоха, хоть и тихоня: знает, как в других больницах”, — подумала Валентина Сергеевна. Она пошла к себе и перед кабинетом увидела ту самую Ерёмину вместе с её четырнадцатилетним “оболтусом”. Мальчишка закашлялся — “нарочно, чтобы показать болезнь”, — как решила главврач и, упрямая вопросы, сразу атаковала нахальную мамашу:

— Но он же у вас курит — от этого и кашель, и изменения в лёгких.

— Где он курит? Ничего он не курит, — неуверенно возразила та.

— Как “не курит”?! Табаком несёт за десять метров. Неужели не чувствуете? Я сама, извиняюсь, курю, — хотя врачам не полагается, — и то чувствую... Ну, дыхни! — приказала Валентина Сергеевна парню.

Тот спрятался за мать.

— Где тут у вас спирометрия? — Валентина Сергеевна взяла у посетительницы листок протокола исследования и пробежала его глазами.

— Пройдёмте ко мне в кабинет. Сын пусть постоит в коридоре.

Женщина с готовностью вошла за главврачом в кабинет и полезла в сумочку.

— Хотите мне, что ли, заплатить? — со злой иронией произнесла Валентина Сергеевна.

— Нет, я ничего... Я просто, что надо сына бы положить пообследовать, — смутилась посетительница. — Людмила Алексеевна сказала, что у вас устанавливается новая аппаратура...

— ...Которая покажет, что у вас тяжёлая астма, — с иронией перебила главврач, но, сменив гнев на милость, прибавила: — Раз говорит Людмила

Алексеевна, так мы и сделаем. Новую аппаратуру наладят на днях. Идите, вам сообщат.

Она вернула назойливой посетительнице протокол исследования, и та ушла.

“Наверно, платежеспособная мамаша. Интересно, на какой машине приехала?” — подумала Валентина Сергеевна, открыла окно, закурила сигарету и, надеясь проследить, на какой машине “эта нахалка” уедет, выглянула в окно. Машины, однако, не отъезжали. Зато она увидела двух грязных бомжей, устроившихся на скамейке напротив входа. “Куда смотрит охрана?” — раздражённо подумала главврач, погасила недокуренную сигарету и спустилась во двор.

Бомжи были небритые, отёчные, с трясущимися руками, — несомненно, после пьянок. Они догадались, что перед ними начальство; один из них поднялся со скамейки и осмелился спросить:

— Николай Петрович, завхоз, на месте?

— Зачем вам нужен Николай Петрович? — строго спросила главврач.

— Нету его? Нам работа нужна. Есть работа, начальница?

— Работа? Вон перенесите мусор за здание! Там контейнеры стоят.

Захламлённость двора коробками являлась для главврача раздражающим фактором. Завхоз болеет (запил?), и некому вызвать мусоровозку, навести порядок во дворе. Того гляди, противопожарная служба оштрафует.

— Аккуратно сложите всё возле контейнеров — заплачу сто рублей. Каждому!

Мужики над предложением задумались.

— А спиртику не найдётся? Голову поправить... — спросил один из них сильным голосом.

— Приступайте к работе — вынесу...

Поняв, что без опохмелки они работать не начнут, главврач пошла к себе в кабинет и вернулась с небольшим тёмным пузырьком разведённого водой спирта.

Бомжи повертели в руках пузырёк, переглянулись.

— Курнуть бы ещё...

Валентина Сергеевна достала из кармана халата начатую пачку сигарет и сердито швырнула мужикам.

— Когда сделаете, по сто рублей на рыло...

Уверенная в том, что зря отдала спирт, главврач пошла к себе. В коридоре её догнала аспирантка Людмила с новостью:

— Пропала японская зажигалка! Японец страшно огорчён. Перестал работать. Сидит, голову опустил...

Валентине Сергеевне захотелось выругаться. Не хватало ей заниматься ещё мелкой кражей.

— Когда пропала зажигалка? Подозреваешь кого-нибудь? — спросила она, войдя вместе с аспиранткой в свой кабинет.

— Под подозрением Ерёмин, сынок этой мамаша. Они у вас уже были? Взятку не предлагали?

— Кажется, собирались... Вот люди! Не понимают, что такими предложениями только ломают к себе отношение.

При этих словах главврач посмотрела на девушку. Та не смутилась.

— С утра вместе с сыном крутились возле анализатора, — продолжала аспирантка. — В девять часов зажигалка лежала на столе — я видела, — а потом японец сказал, что пропала... Сынок этот действительно зажигалкой интересовался. Мне он даже объяснил, что бензиновыми зажигалками пользуются наркоманы, потому что те долго горят, а это нужно для приготовления “дури” и стерилизации иглы.

— Продвинутый парень. Ты его хорошо раскрутила, если он с тобой так откровенничает... Сам-то не колется?

— Нет. И при осмотре следов уколов я не нашла. Думаю, что только курит.

— Курить можно и “травку”...

— Они с матерью сейчас сидят в очереди на ультразвук. И ещё ждут, что анализатор вдруг заработает и всё им покажет, — объяснила аспирантка.

— Дураки. То есть мать — дура. Хотя мы тоже, — пробурчала главврач. Аспирантка ушла. “Молодец девчонка. Если спросила про взятку, значит, ей предлагали, но отказалась. Новый прибор нужен, главным образом, ей для диссертации. Говорят, что, чем больше кривых, тем прямее путь к защите, — размышляла Валентина Сергеевна. — На импорте оборудования кто-то наживается, тогда как опытного врача всякие новации уводят в сторону, отвлекают от больного. При бронхиальной астме впали в гипердиагностику, идя на поводу у родителей. Парни не хотят служить в армии — их подогрели средства массовой информации. Запугали дедовщиной, а она везде, даже в детском саду. Кто-нибудь сравнил смертность у новобранцев и у белобилетников? Что касается наркомании, то у “откосивших” от армии её больше, но об этом не пишут... Надо, чтобы дети министров служили, тогда только можно будет говорить о патриотизме. Вон в Англии принцы служат!”

...Надлежало разобраться с несчастным японцем.

Он был неопределённого возраста, ростом не вышел, как большинство в их нации, но коренастый, крепкий, лицо морщинистое, жёлто-коричневое. Молчаливый из-за плохого знания русского языка, но возможно, и по природной сдержанности. Он посмотрел на Валентину Сергеевну и Людмилу раскосыми тёмными глазами и, кажется, готов был заплакать.

После неловкой паузы японец произнёс что-то по-английски, и аспирантка перевела:

— Сказал, что зажигалка была ему дорога как память об отце.

— Кого можно заподозрить в краже? — спросила Валентина Сергеевна.

Людмила опять перевела, и японец ответил, что мог украсть мальчишка, который заходил вместе с матерью в комнату, интересовался зажигалкой и брал её в руки.

Аспирантка ещё что-то говорила по-английски, и японец кивал головой.

— Что ты ему сказала? — строго спросила Валентина Сергеевна.

Людмила немного смутилась, потом покосилась глазами на японского инженера.

— Объяснила, чего хотят Ерёмину от прибора и что надо бы побыстрее его запустить.

— “Чего хотят Ерёмину...” — нахмурилась главврач. — А ну-ка веди их сюда!

В ожидании пациентов японец продолжал сидеть, опустив голову, а Валентина Сергеевна стояла рядом и думала о том, насколько тяжело ему жить и работать в чужой стране, к тому же погрязшей в воровстве, как об этом пишут в газетах, а теперь он в том лично убедился...

Наконец, в сопровождении Людмилы появились Ерёмину: энергичная мамаша в короткой юбке и “боевом раскрасе” и худой, сутулый подросток, которому, конечно, надоело таскаться по врачам.

— Я им объяснила, насколько дорога зажигалка иностранцу, — сказала Людмила.

— А я ему объяснила, чего от него хотят, — с раздражением произнесла главврач и едва не прибавила: “Помочь освободить парня от армии...”

Людмила опять долго говорила по-английски. Возможно, рассказала анамнез болезненного парня, и какое заключение с помощью прибора хотела бы получить мать. Главврач хмурилась, японец слушал и кивал головой, и так же внимательно слушала Ерёмину. Вряд ли она понимала по-английски, но что-то додумала и решительно приказала сыну:

— Сознайся, что ты украл! Верни зажигалку!

Парень набычился, хотел спрятаться за мать, но та силой вернула его на место перед японцем.

— Никто тебя не накажет! И мы сейчас уедем домой. К твоему компьютеру... И в школу сегодня не пойдёшь. Понял?! Ну! — прикрикнула мать.

Парень неохотно сунул руку в карман джинсов и достал зажигалку. Но не японскую, а обычную российскую, газовую, дешёвую!

Валентина Сергеевна и Людмила обомлели. Зато энергичная мать не утратила самообладания и протянула зажигалку японцу:

— Ваша? Берите! Сын извиняется. Нашло что-то на него. Он же болен... Переведите! — приказала она Людмиле.

Та, волнуясь, перевела.

Японец взял зажигалку, закурил сигарету и что-то довольно длинно про-
бормотал.

Людмила опять перевела:

— Он тоже извиняется. Говорит, что это та самая зажигалка и, возможно, он так заработался, что забыл, как сам отдал её мальчику.

— Значит, инцидент исчерпан? — заключила главврач. — Остаётся только запустить в работу прибор.

Она пошла к себе в кабинет, потом вспомнила про бомжей и опять вышла во двор. Они дремали на скамейке.

— Работать так и не начали?! — со злостью воскликнула главврач.

— По сто рублей мало... — выдал из себя один из сидевших на скамейке.

— Расценки теперь выше, — поддакнул другой.

— Вон отсюда! — взвилась главврач. — Сейчас полицию вызову!.. А за вхожу выговор вкачу, как он появится!

— Николоа Петровичу?.. За что? Он мужик клёвый!.. — бормотали бомжи и, понимая, что начальница не шутит, поплелись к воротам.

Между тем история с зажигалкой облетела поликлинику. “Каков японец: признал чужую вещь за свою! Но не в суд же ему подавать из-за какой-то зажигалки? Наверное, мальчишка не воровал. А кто тогда? Мало ли кто...” В общем, все признали, что иностранец поступил благородно, а нас унизил. К тому же анализатор ему к двум часам дня удалось окончательно настроить, и по этому поводу решили не отпускать иностранца на обед, а накормить здесь.

Угощение устроили в той же комнате и на том же длинном столе, где мигал разноцветными лампочками и мурлыкал, как кот, новый прибор. Женщины выставили то, что принесли из дома себе на обед, и вышло неплохо. Принесли даже торт, коробку конфет и цветы — подарки дня от благодарных пациентов. И наполнили разведённым спиртом лабораторную колбу.

На удивление, японец оказался охотником до спирта: очевидно, его работы по наладке аппаратуры нередко завершались подобными банкетами.

Граждане многих стран у себя на родине ведут аскетический образ жизни и оттого неумеренно напиваются “на халяву” в российском застолье. Не стал исключением и этот инженер. Он быстро опьянел и, поднимая рюмку, каждый раз восклицал: “Кириём!”, — что всех смешило. Кроме японца, мужчин за столом не было, и роль тамады взяла на себя главврач. Она предлагала тосты за дружбу, за мир, а японец что-то высказал даже антиамериканское, что Людмила переводить не стала. Зато она перевела, когда японец сказал, что может отпечатать на приборе протокол анализа, который подтвердит у того подростка диагноз бронхиальной астмы.

— Какой его сёрнэйм?

— Фамилия? Ерёмин. Четырнадцать лет, рост 152, вес 40.

Японец нетвёрдыми шагами подошёл к анализатору, сел рядом, сосредоточился и поиграл на клавиатуре прибора. Затем разведённым спиртом смочил салфетку и протёр ею полиэтиленовую трубку, торчащую из прибора, после чего подышал в эту трубку и опять постучал по клавиатуре.

Аспирантка тоже склонилась над прибором, чтобы записывать всё, что делал японец; задавала вопросы, тот отвечал, и она записывала. Из прибора выползли две бумажки с текстом, цифрами и фамилией “EREMIN”.

Японец показал первую бумажку:

— Лёхкая асма. Хайпёрвентилейшн. Аллерхия. Иммунохлёбулин “Е” висёкий.

Показал второй листок:

Тяжёлая асма. Хиповентилейшн. Плёхой иммунитет...

— С этот диагноз армий нельзя, — сказал японец.

Над его русским языком мило потешались, но японец воодушевился и пустился рассуждать о достоинствах русской жизни и культуры. Суть ком-

плиментов свелась к тому, что только в России здоровая жизнь. Ещё японец хвалил Достоевского, хотя путал его с Чеховым и Толстым. Сказал он и про наши мультфильмы: они добрые и естественные, а японские и американские — бесчеловечные и искусственные. “Также женщины здесь живые, а не силиконовые”...

Если у японца что-то совсем не получалось по-русски, он переходил на английский, и его любезно переводила Людмила. Ещё не до конца отойдя от ссоры с божжами-попрошайками, главврач с раздражением думала: “Аспирантка хочет помочь “отмазать” парня от армии. Хотя, если без взятки, то получится как бы из милосердия... Но, скорее всего, причина в диссидентстве, которое у всех у нас в крови совместно с желанием подольститься к иностранцу. “Знакомство с иностранцем для нас — как орден”, — заметил кто-то из тех писателей, кого хвалил японец”.

Она наклонилась к уху Людмилы и зашептала, а та от её слов покраснела:

— У тебя друг есть? Не хочешь — не отвечай. Но тебе б с этим самураем надо бы поближе. Кто будет чинить этот аппарат, который тебе нужен? Разве не так? Нашего женского не убудет, а мужчине радость, и он чувствует себя должником. Японец в Москве без семьи, без жены. Он женат? Не знаешь? “Зажигалка...” Женщина — “зажигалка”. Возьмёшь у него электронный адрес, будешь обращаться.

Главврач забрала себе оба заключения анализатора. Затем спросила Людмилу, на какой машине ездит Ерёмин. “На “Ауди”? Значит, платежеспособная”.

Японец продолжал твердить своё “кирнём!”, в нём выиграл самурайский дух, уговорить который было невозможно, пока он не свалился с ног. Пришлось оставить его ночевать в отделении: уложили на кушетке на попечение аспирантки.

Утром иностранец проснулся с тяжёлой головой, опохмелился и озадачился вопросом: как вернуться в посольство? Вести машину он не мог. За руль его машины села сама главврач.

Вид иностранца был ужасен, и не только от пьянки, а более оттого, что он нашёл у себя ту самую зажигалку! Никто её не воровал, он сам забыл, куда положил! В смущении он, как мог, объяснил это главврачу и сказал, что дарит её. А ему на память останется зажигалка мальчика, которого надо освободить от службы в русской армии...

Доставив японца, на работу Валентина Сергеевна добиралась общественным транспортом. Сидела в автобусе и разглядывала зажигалку. Металл обработан под чёрное серебро или действительно это серебро? Гравированный декор напоминал морозные узоры на тему цветущей вишни-сакуры. Как можно было — хотя бы и спяну — променять ювелирное изделие на российский ширпотреб? Неужели из-за чувства вины — что ложно обвинил мальчишку в воровстве? Японец упомянул подростка, “косящего” от армии, однако вряд ли ради того “оболтуса” стоило расставаться с “отцовской памятью”. Похоже, что с нашей дешёвой зажигалкой у иностранца связано какое-то воспоминание... Аспирантка Людмила? На вопрос о “друге” она не ответила. Но если “да”, тогда ведь “если дверь взломана, глупо держать её закрытой...”

Далее мысли Валентины Сергеевны обратились к анализатору, вернее — к двум непохожим заключениям умного прибора. Размышляя об этом, она и пришла к вопросу-выводу: если пациент хочет заплатить врачу, всегда ли нужно ему в том отказывать?

Утро было майское, тёплое, солнечное. И кого же Валентина Сергеевна увидела во дворе больницы, рядом с нагромождением упаковочных материалов? Тех же двух негодяев! Но на этот раз она не стала их прогонять. Те смутились при виде начальницы, вытянулись перед ней почти по стойке “смирно”, но она, ни слова не говоря, прошла в корпус и вскоре вынесла им оттуда пузырьёк со спиртом, пачку сигарет и полиэтиленовый пакет с закуской — остатками вчерашнего банкета.